

минают, наряду с другими категориями преступников, и еретиков.¹ Известия об отдельных еретических выступлениях в XI—XIV веках имеются и в летописях.² Однако учение первых еретиков нам не известно, и, вероятно, оно не получило большого резонанса в обществе: вплоть до XIV века источники не содержат известий в сколько-нибудь значительных еретических движениях на Руси. Повидимому, первым широким еретическим движением на Руси, оставившим глубокий след в русском обществе, была ересь стригольников.

Появление ереси стригольников было связано с теми социально-экономическими сдвигами, которые происходили в это время на Руси: развитием ремесла и торговли, ростом городов, распространением товарно-денежных отношений и обострением в связи с этим социальных противоречий. В то же время зарождение и распространение ереси именно в Новгороде и Пскове было обусловлено особенностями их исторического развития. Высокая степень развития феодальных отношений и вместе с тем яркий расцвет ремесла и торговли, экономическое и политическое господство класса феодалов и в то же время значительная роль посадского населения в жизни обеих феодальных республик, вечевой строй, вовлекавший в политическую борьбу демократические слои населения, — все эти своеобразные черты исторического развития Новгорода и Пскова обусловили необычайный размах классовой борьбы, бушевавшей в этих городах. Особенности исторического развития Новгорода и Пскова определили также высокий уровень новгородско-псковской культуры, придали этой феодальной в своей основе культуре черты известного демократизма и создали, таким образом, благоприятные условия для распространения идей еретичества и вольномыслия.

Однако, несмотря на популярность среди населения Новгорода и Пскова идей еретичества, об учении стригольников мы знаем очень мало. У стригольников существовала своя литература — „писание книжное“, которое они создали „на помощь ереси своей“.³ Очевидно, это „писание книжное“ содержало изложение основ учения стригольников. Но оно до нас не дошло, так как церковь, беспощадно борющаяся с еретическими идеями, подвергала уничтожению не только их физических носителей — еретиков, но и те памятники письменности, в которых эти идеи были запечатлены. Поэтому судить об идеологии стригольников приходится на основе тех отрывочных и бессистемных сведений, которые содержатся в обличительных посланиях против стригольников, пронизанных духом религиозной нетерпимости и ненависти по отношению к еретикам.⁴

¹ Памятники русского права, вып. 1. Составил А. А. Зимин, М., 1952, стр. 238, 241, 245. — Русская историческая библиотека (в дальнейшем — РИБ), т. VI, СПб., 1908, стр. 107.

² ПСРЛ, т. IX, стр. 68, 192. Считаю нужным отметить, что дошедшие до нас известия о киевских еретиках XI—XII веков — Андрее и Дмитре — имеются в Никоновской летописи XVI века и не подтверждаются более ранними источниками.

³ Поучение русского епископа Стефана против стригольников. РИБ, VI, № 25, стр. 214.

⁴ Сохранилось шесть обличительных посланий против стригольников: 1) „Грамота константинопольского патриарха Нила в Псков“, около 1382 г. (РИБ, VI, № 22); 2) „Поучение русского епископа Стефана против стригольников“, около 1386 г. (РИБ, VI, № 25); 3) „Грамота митрополита Фотия псковичам“ от 23 сентября 1416 г. (РИБ, VI, № 42); 4) „Грамота митрополита Фотия в Псков“ от 24 сентября 1422 или 1425 г. (РИБ, VI, № 51); 5) „Послание митрополита Фотия в Псков“ от 22 июня 1427 г. (РИБ, VI, № 55); 6) „Послание митрополита Фотия в Псков“ от 23 сентября 1427 г. (РИБ, VI, № 56).